

ляет устаревшие и забытые языковые явления от современных и модных: «Современный ученый славист без особых затруднений отличит древнюю рукопись..., написанную в Болгарии или Сербии, от рукописи, написанной каким-нибудь русским *писателем*, как назывался в эти старые времена переписчик» [Вступ. лекция лектора русского языка в Варшавском ун-те П.А.Кулаковского.// Русь. – 1884. – № 21. – С. 54]. «Выражаясь модным тогда словом, возможность *ликвидировать* свои дела, то есть обращаться в текущий товар рынка землю-кормилицу, стоявшую до сих пор неподвижно на трех китах...» [Марков Е. Земля и человек земли // Русь. 1884. – № 11. – С. 33]. «Довольно толковать о принципах, об общих началах! Подавайте чего-нибудь конкретного (это слово теперь в моде)» [Москва 15 ноября.// там же. 1885. – № 22. – С. 2]. Метаязыковые высказывания, отмечая модность слова, тем самым указывают на высокую частотность лексической единицы в речи носителей языка, массовость ее употребления и активность использования.

Итак, рефлексивы отражают обыденное языковое сознание носителя языка, в котором суммируются элементарные знания о языке как системе, фиксируются ядерные зоны знания о динамике языка. Посредством комментария или интерпретации речевой инновации говорящий в своем сознании проводит анализ происходящих в языке изменений, оценивая их.

Языковая рефлексия на инновации в области лексики параллельно выявляет новые явления и процессы, происходящие на других уровнях языка. Следовательно, она касается всех уровней языка и отражает общую динамику языковых процессов.

Литература

Вепрева И.Т. О языковой рефлексии на словесное обновление современной эпохи.// Русский язык сегодня. Вып. 2. – М., 2003. – С. 416 – 425.

Долгоруков П.В. Петербургские очерки. – Pamфлеты эмигранта 1860-1867 гг. – М., 1992.

Писемский А.В. Рассказы. – М.: Советская Россия, 1984.

Переписка Л.Н.Толстого с сестрой и братьями. – М., 1990.

Достоевский Ф.М. Полное собр. соч. в тридцати томах. – Л., 1984.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 томах. – М., 1988.

О. А. Старовойтова
Санкт-Петербург

«СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА» И ПРОБЛЕМА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ*

Как известно, «слово может быть как единицей языка, так и единицей речи» [5: 141]. Наблюдающийся в современном языкознании поворот от лингвистики языка к лингвистике речи, когда изучение языковых явлений в рамках языка как абстрактной системы все больше заменяется исследованием живой речи, конкретных текстов, как нельзя точнее подтверждает целесообразность одного из принципов создания исторического «Словаря русского языка XIX века»: «Словарь, отражающий эволюцию нормы, обязан интерпретировать факты речи, фиксируемые текстами XIX в.» [4: 36].

Учитывая данное положение при разрешении одной из первостепенных при составлении Словаря задач, отборе единиц для словника, исследователи неизбежно сталкиваются с проблемой включения в него окказиональных слов¹ как лексических единиц речи.

Проект «Словаря русского языка XIX века» не слишком подробно останавливается на путях решения данной проблемы [4: 36–37], но совершенно очевидна общая установка на широкое представление окказиональной лексики в составе словника, соответствующая концепции исторического словаря, в котором не должно быть «резкого ограничения узувального от окказионального» [6: 13]. Следовательно, исторический словарь, демонстрируя динамику, языковые изменения, преодолевает ригоризм нормативного словаря, отказываящегося от многих лексических новообразований.

Таким образом, при составлении словника авторы ориентируются на максимальную его полноту, включая наряду с широкоупотребительным понятием *обломовщина* отмеченные в единичных контекстах лексемы *штольцовщина*, *катковщина*: *это не наша родная*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 07-04-00151а «Словарь русского языка XIX в.»: формирование словника».

¹ В лингвистической литературе до сих пор существует терминологический разнобой в толковании понятий «неологизм», «потенциальное слово», «окказиональное слово». Данная дискуссия остается за рамками настоящей статьи.

обломовщина, виноватая только разве тем, что не дает на себя сесть верхом *штольцовщине* (А. Григорьев. Литературные скитальчества, 1864); *Катков с своей катковщиной вводит повсеместный раздор* (Н. Лесков. Божедомы, 1868); параллельно с употребительными *байронист*, *обломовец* отмечаются и лексикографируются единичные *аксаковец*, *байроновец*, *гетевец*, *каткист*, *шелленгист*: *Неужели Сенковский попал в гении, в равно байроновцы и равно гетевцы (как говорит Фита)?* (А. Бестужев – К. Полевому, 1834); *..все в природе есть целость – не так ли ..как тебя, шеллингист, или гегелист?* (В. Одоевский. Саламандра, 1841); *Что же мне начальство? Я не каткист, или не аксаковец: я всем доволен и рад стараться..* (Н. Лесков. Божедомы, 1868).

Данный принцип отбора лексики, т. е. максимально возможный учет слов, встретившихся в источниках XIX века, должен коррелировать с тем важнейшим принципом исторического словаря, о котором говорил один из авторов концепции «Словаря русского языка XIX века» Ю.С. Сорокин: «существенное значение имеет учет словообразовательных возможностей и направленности семантических сдвигов, первоначально обнаруживающихся в индивидуальной и групповой речи» [6: 13]. Будучи фактом речи, окказионализм обычно задан системой языка, демонстрируя разнообразные ее возможности – семантические: *Скажите, что за лицо Брамбеус, от которого вся фамилия «Сев<ерной> пчелы» в домашнем своем журнале катается с восторга. То, что читал я, так старо и подснежно!* (А. Бестужев – К. Полевому, 1834), словообразовательные: *Как прежде Рудин работал фразой, только чтобы «заявить», так и базарствующий Рудин в существе дела тоже все холопочет «заявиться»!* (Н. Лесков. Сев. Пчела, 1863, № 142); *Господа полькёры, вальсёры, мазуркёры и редовисты! Из Парижа, из садов Мабилля изпод смычка Мюзара, кланяется вам новый танец, скотииш (skotish) по имени (И. Кокорев. Новый танец, опубл. 1858); шумят, и гамят, и не спят* (Н. Полевой. Клятва..., 1832); *Что же касается до Баратынского – я перестал веровать в его талант. Он исфранцузился вовсе.* (А. Бестужев – А. Пушкину, 1825); *Молодцы же ловят бабочек, или просто шляются в приятных местах, или, наконец, «концертничают».* Подражание дьяконам и архиерейским певчим, как известно, составляет самое высокое эстетическое наслаждение возрастающего всероссийского купечества известного сорта

(Н. Лесков. Русское купечество по отношению к находящимся при них торговым мальчишкам; 1862) и грамматические (*У меня была астрономка. Прожила со мной под одной крышей несколько суток. В большой дозе эта особа – покорно благодарю! Легче таскать из глубокого колодезя воду, чем беседовать с ней.* (А. Чехов – А. Суворину, 1895); *вот уже второй месяц слежу и ни одного свежеженок женского экземплярика! Все старинные завсегдатайки.* (Н. Лейкин. Шуты гороховые, 1879).

Оказавшись в русле активных словообразовательных и семантических процессов, характеризующих динамичный русский язык XIX века, данные лексемы органично вписываются в ряды (*байроничать* – *концертничать*; *базарствовать* – *рудинствовать*; *байронство* – *мефистофельство*; *гегелизм* – *дидротизм* – *катковизм* – *сенсимонизм* – *шеллингизм* и т. д. и т. п.) или словообразовательные гнезда (*байронизм* – *байронист* – *байронствовать* // *байронство* – *байроновец* – *байронить* – *байроничать*; *катковец* – *каткист* – *катковизм* – *катковщина* – *катковствовать* и под.) и позволяют отразить характер отношений в лексической системе языка определенного этапа его развития.

Поскольку «речь испытывает воздействие всех факторов исторической и общественной среды, в которой функционирует язык, и поэтому является проводником исторических влияний» [3: 105], окказиональные слова аккумулируют т. н. «фоновые знания». Среди них важнейшим является знание тех культурных и социальных условий, в которых создавался и воспринимался конкретный окказионализм. Подобные единицы носят название культурно обусловленных окказионализмов, часто они образованы от имен собственных: *В речи Дюма каждая фраза была гасконада, каждая мысль – нелепая претензия и каждое слово – уморительное самохвальство* (П. Анненков. Парижские письма, 1848); *На сих днях я ещё сделал две отчаянных попытки добыть работу и убедился, что мой «катковизм» мне загородил все двери.* (Н. Лесков – П. Щебальскому, 1876); *«Новых людей» Чернышевского он <Н. Лесков> признает значительно возвышающимися над «рудинствующими и базарствующими импотентами»* (Фаресов. Ист. Вестник, 1895, №4).

«Слово в речи, – писал В. В. Виноградов, – помимо своих и переносных значений несёт ещё и потенциальную энергию быть выражением или отображением побочных, ассоциативно связанных с

ним образов, чувств, идей» [1: 62–63]. Естественно, что интерпретация культурно обусловленных окказионализмов, вобравших в себя особенности истории и культуры носителя языка, возможна только на базе внеязыкового фонового знания, т. е. комплекса культурно-исторических ассоциаций. Комплекс подобных ассоциаций, возникающих в связи с тем или иным словом у первичного носителя языка, образует коннотативный компонент лексического значения. К сожалению, в практике отечественной лексикографии ему не уделялось должного внимания. Комплексный диахронический словарь призван восполнить этот пробел.

Например, в № 2 журнала «Москвитянин» за 1848 г. обнаруживается публикация «Еще искандеризмы», являющаяся продолжением опубликованного в № 1 «Словаря солецизмов, варваризмов и всяких измов современной русской литературы». Окказионализм *искандеризм* – «примета времени»: денотат поясняется контекстом, а общая оценка складывается из информированности реципиента о характере литературно-идеологических споров середины XIX века. Окказионализм представляет собой конденсат смысла: *искандеризм* – это варваризм, т. е. заимствованное слово, избыточное для языка, поскольку ему в исходной системе соответствует исконное слово. Неслучайно автором слова и словаря, составленного по произведениям А. И. Герцена (Искандера), был С. П. Шевырёв, который не принимал революционных взглядов Герцена, а его язык оценивал как средство выражения протеста против российской действительности.

Введение в научный оборот нового с точки зрения современного носителя языка материала предполагает использование в «Словаре русского языка XIX в.» такого элемента словарной статьи, как историко-культурный комментарий: «Историко-культурный комментарий – *факультативная* часть словарной статьи. Она появляется только в тех случаях, когда семантика заголовочной единицы (ее значение, одно из значений, идеологические, социальные и пр. осмысления, характерные для исследуемого периода) представляет интерес для историко-культурного комментария на фоне широкого культурного контекста XIX в. или когда комментирование помогает выделить факторы, влияющие на динамику слова в лексической системе данного периода, дает возможность сообщить пользователю словаря новые, интересные для него сведения» [4: 138]. Закономер-

ным случаем включения в словарную статью историко-культурного комментария является культурно обусловленный окказионализм, когда речь идет о событиях и фигурах, малоизвестных современному читателю или поиск соответствующей информации о которых требует серьезных усилий, например: *Во-вторых, наконец научился писать корреспонденции для «Русских ведомостей». Вот уже вторую поместили почти без перемен (с самым легким обзаходериванием)*. (В. Короленко – М. Саблину, 1890). Комментарий к выделенному слову может иметь следующий вид:

От фамилии Заходер (нижегородский корреспондент «Русских ведомостей», очень боявшийся цензуры). Шутливый термин, придуманный Н.Ф. Анненским (1843–1912), русским экономистом, общественным деятелем, сотрудничавшим в различных журналах.

Приведенный пример представляет собой комментарий смешанного типа – он и историко-культурный, и историко-филологический, т. е. показывающий историю возникновения и развития конкретного слова.

В речевой практике, в частности в непринужденном разговорном стиле общения, особенно ощутима настроенность на словопроизводство. Огромный материал подобного рода представляют лично ориентированные источники — письма, дневники, мемуары, благодаря которым активно пополняется источниковая база и картотека Словаря. Ценность подобного рода источников заключается в том, что в них часто дается авторская оценка как явлений, так и отдельных слов и особенностей их употребления, ср. указание на место функционирования слова в следующем примере: *..у нас в Замоскворечье приютный сад называется просто без затей – ахти-тельным* (И. Кокорев. Замоскворецкие новости, опублик. 1858).

Традиционно среди характерных признаков окказионализмов отмечается их принадлежность отдельному лицу, вследствие чего их часто называют индивидуальными образованиями. Далеко не всегда мы можем знать, кому конкретно принадлежит тот или иной окказионализм, хотя письменные источники часто способствуют решению этого вопроса. Одной из причин, побуждающих носителей языка, обычно художников слова, к созданию индивидуально-авторских образований, является потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему собственную характеристику, оценку. В отношении культурно-исторической ситуации XIX века

проблема индивидуальных окказиональных образований часто напрямую связана с исследованием такого культурно-речевого феномена, как языковая рефлексия. Затрагивая проблемы развития языка в целом, отдельных его подсистем, проблемы взаимодействия языка и общества, языка и культуры, подобные исследования способствуют реконструкции мировоззренческих установок личности и общества. Индивидуальная языковая рефлексия определяет значимые фрагменты в политической, экономической, культурной, в частности литературной, сферах общества, ср. напр.: *Прямота и открытость вольтерьянизма с его ненавистью к топасайле и дидротизма с фанатическим поклонением чувственности слышатся пренаивно в подобных сценах* (А. Григорьев. Литературные скитальчества, 1864); *Ключников, независимо от меня, читал своего рода филиппики (а ргоров — Белинского гонения надо назвать Шевыреви́ка) .между тем Шевырев, черствея в самолюбии и педантизме, смешил и досадовал народ* (Н. Станкевич — Т. Грановскому, 1838).

В связи с этим представляется целесообразным пересмотреть отношение к отдельным (в некоторых случаях хорошо известным, несмотря на их отсутствие в каких бы то ни было толковых словарях русского языка) лексемам и внести коррективы в отдельные положения Проекта словаря. Например, указывая на необходимость ограничения окказиональной лексики, предлагалось исключать единичные образования шуточного характера, в частности глагол *германидоротеизировать* (А.И. Тургенев) [4: 37]. Однако данный пример представляет типичный случай индивидуальной рефлексии, тот особый культурно-речевой, оценочный взгляд на значимые для русской культуры прецедентные имена и тексты: *От скуки, признаюсь, беру перо и германидоротеизирую* [т. е. пишу в стиле поэмы Гете «Герман и Доротея — прим. изд.]. *Как тебе мое новое слово?* (А. Тургенев — М. Бакунину и А. Ефремову, 1840). Кроме того, данное слово с легкостью поддается толкованию.

Наконец, стоит сказать еще об одном типе окказионализмов, характерном прежде всего для художественной речи. Именно в ней возможны отступления от нормы, которые, являясь важным текстообразующим средством и создавая прием языковой игры, превращаются в особую норму, эстетически значимую. Подобные слова, как правило, включаются в словари языка отдельных авторов, однако отдельные лексемы — в силу их исключительной семантической

емкости и эстетической ценности — могут стать фактом «Словаря..»: *клеветон* 'фельетон, содержащий клевету' ... и *сейчас в публицистские ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие клеветон вышел.* (Н. Лесков. Левша, 1881); *С «Левшой и блохой» трудно будет Вам справиться. Тут знания немецкого просторечия недостаточно. Что Вы сделаете с созвучиями и игрой слов: «клеветон» вместо фельетон, «спираль» вместо спертый воздух, «досадительная укушетка» и т. п.* (Н. Лесков — К. Греве, 1888).

Окказиональные слова иногда называют потенциальными словами, и данный термин представляется в определенном смысле удачным: не претендуя на вхождение в систему языка, окказиональные слова вместе с тем могут стать ее единицами. «То, что живет в языке подспудной жизнью, чего нет в текущей жизни, но дано как намек в системе языка, прорывается наружу в ... явлениях языкового новаторства, превращающего потенциальное в актуальное». [2: 4] Динамический характер отражаемых в «Словаре русского языка XIX в.» фактов подчас не позволяет строго разграничивать слова «речевые», разового употребления, и слова «языковые», воспроизводимые, общеупотребительные; граница между двумя классами слов оказывается размытой. Расширение источниковой базы словаря, а также системное изучение описываемой лексики позволит уточнить некоторые вопросы, связанные с проблемой окказиональных слов, а «Словарю русского языка XIX в.» стать «недостающим звеном» русской исторической лексикографии.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. — М.; Л., 1935
2. *Винокур Г. О.* Маяковский новатор языка. — М., 1943.
3. *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. — М., 1968.
4. *Словарь русского языка XIX в.* Проект. — СПб., 2002.
5. *Солнцев В. М.* Язык как системноструктурное образование. — М., 1971.
6. *Сорокин Ю. С.* Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии. — Л.: Наука, 1977. — С. 4–27.